

диалектику, медицину, твое, Ка-тон, гражданское право, откуда нельзя получить почти никакой приятности, а только выгоду?

16. Скажу кратко: как совершение добродетелей, так и созерцание требуют больших усилий. <...> Поэтому многие, соглашаясь, что в добродетели есть все достаточное для благой жизни, отрицают, однако, ее достаточность для счастья.

17. А ты, Аристотель, не столько думал над этим, сколько превозносил свой труд. Осмелюсь поклясться всеми богами и богинями, что если бы ты не ожидал награды в виде славы, то никогда не заставил бы себя состариться среди своих размышлений, изложенных во многих книгах, в самом деле восхитительных. Ты хотел казаться не алчущим славы, а почитателем науки, хотя любил науку не ради нее самой, а главным образом ради славы. Цицерон высказывается более откровенно, когда говорит о себе не как философ, а как оратор: "...ведь доблесть не нуждается в иной награде за свои труды, кроме хвалы и славы; если она у нас будет похищена, то к чему нам на нашем столь малом и столь кратком жизненном пути так тяжело трудиться". Или о философах: "Самые знаменитые философы даже на тех книгах, в которых они пишут о презрении к славе, ставят, однако, свое имя; они хотят, чтобы за те самые сочинения, в которых они выражают свое презрение к прославлению и известности, их прославляли и восхваляли их имена".

XXIX

1. Мне гораздо легче рассмотреть теперь то, что стоики называют спокойствием духа; оно является, на их взгляд, неким царственным украшением честной души. Сам я не нахожу этого. Почему бы спокойствию духа не принадлежать той цели, которую определили мы? Ведь как созерцание готовит радость в душе, так и спокойствие и безмятежность содействует тому, чтобы в душу не закрались волнения и тревоги; они словно открывают путь к радости и сохраняют ее. Хорошо знаю, как часто некоторые не дают покоя этой теме, как много раз повторяют, что нет ничего более опасного, более тревожного и несчастного, чем злая душа. Перечисляют очень многих и пространно описывают их жизнь, например Фаларида, Дионисия и других, подобных им. На это приведу краткое соображение, в сущности, едва ли противоречащее им, чтобы не казалось, что везде противоречу.

2. Итак, не отрицаю, соглашаюсь и признаю, что нет ничего несчастнее, чем злая душа. Однако понимаю это так: нет ничего более лишнего наслаждения, чем она. Нет необходимости понимать под злой душой любую недобродетельную душу. Ведь я отрицаю, что добродетель что-то из себя представляет; но не отрицаю существование злой души, как и утверждал выше, признавая благоразумие, справедливость и прочие добродетели. Поэтому не ожидай, что теперь я буду одобрять пороки. Напротив, я порицаю их и осуждаю. Следует избегать пороков, не позволяющих успокоиться душе и обременяющих ее несомненной тягостью, когда душа вспоминает о свершенных деяниях.

3. Так было у Суллы, душа и мысль которого постоянно витали среди трупов убитых граждан, не давая ему заснуть. И хотя Сулла не раскаивался в содеянном, однако вел ужасную жизнь, поскольку не мог избавиться от образов несчастных убитых. Такое беспокойство души стало даже причиной его смерти. <...>

4. Итак, надо воздерживаться от пороков как из-за того, о чем я сказал, так и потому, чтобы не упускать тех наслаждений, которые следует из безмятежности духа. От этих пороков мы [эпикурейцы] находимся всегда далеко и наслаждаемся душевным спокойствием. Те же, кто не спокоен душой, всегда несчастны, например, разбойники, воры, убийцы, игроки в кости, тираны, так же как и те, кто обесчестил себя и пользуется дурной славой у людей, кто жаждет накопления богатств и не умеет использовать приобретенного, кто, увеличивая и долго сохраняя богатства, терзается вдвойне, будучи ограбленным; и прежде всего несчастны те, кто, старея и угнетаясь какой-либо болезнью, не имеет ни запасов в сундуке, ни друзей; именно такими являются стоики или, вернее, такими они станут, если будут вести жизнь, соответствующую их речам... <...>

XXXII

1. Но пора наконец в заключительной части речи воздать похвалу наслаждению, ибо приятно, как говорится, петь песню увидевшему порт в конце долгого плавания. И если до сих пор кто-то ищет, здесь обретет искомое. Ведь не только законы, о них я говорил выше, созданы для пользы, рождающей наслаждение, но также города и государства, где люди избирают государя, правителя или короля исключительно в ожидании высшей пользы. Не будем упоминать многочисленные искусства (кроме свободных), которые или удовлетворяют необходимые потребности, или